

УДК 94(47):908

doi 10.17072/2219-3111-2024-2-71-83

Ссылка для цитирования: Устюгова В. В. «Вижу Каму, снега, лунный свет...»: записки Александры Лихачевой как опыт личной рефлексии и поэтизированного наблюдения жизни провинции // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 2(65). С. 71–83.

«ВИЖУ КАМУ, СНЕГА, ЛУННЫЙ СВЕТ...»: ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРЫ ЛИХАЧЕВОЙ КАК ОПЫТ ЛИЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ И ПОЭТИЗИРОВАННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИИ

В. В. Устюгова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

vera_ust@list.ru

ResearcherID: AAC-3446-2020

Scopus Author: ID: 57190883977

SPIN-код: 8590-9899

В настоящей статье исследуется гимназический дневник и записки Александры Лихачевой (Зотиной), хранящиеся в коллекции личных и семейных источников Пермского краеведческого музея. Александра училась в протогимназии, затем в Мариинской гимназии в Перми и, будучи гимназисткой, вела дневниковые записи с 1903 по 1907 г. Фонд включает также письма и разрозненные листки записей поздних лет, большинство из которых написаны в стихотворной форме. Дневник и письма Александры Лихачевой позволяют воссоздать хронику частной жизни юной гимназистки: прогулки ко всеобщей, танцы, игры, обмен фотографическими карточками. Эти документы открывают страницы повседневности, досуга обеспеченных слоев населения Перми начала XX в., которые ходили в театр, позволяли себе посещение балов в Благородном собрании и частных гостиных, поездки на Кавказ и за границу, дачный отдых в Курье. Дневник Александры Лихачевой показывает образ ведения дневниковых записей, их язык. Записи в гимназическом дневнике отрывочные, но за констатацией скучного или веселого времяпрепровождения скрываются переживания, разговор о чувствах, желание понять себя. В статье делается заключение о том, как культура чтения и частной переписки сформировали манеру заглядывания в себя, вербального высказывания, изложения пережитого и прочувствованного на бумаге, сравнения себя с художественными образами. После революции Александра продолжала жить в Перми, в доме на набережной Камы. Привычку разговора с собой она сохранила, делая отдельные поэтические записи. Несмотря на то что мы не знаем дальнейшей судьбы Александры Лихачевой (Зотиной), кем она была по профессии, в результате расшифровки и анализа записей можно прийти к выводу, что эти записки раскрывают индивидуальность провинциалки советских лет, укрывшейся в своем внутреннем мире, но сохранившей критический и творческий взгляд, пронзительную наблюдательность к окружающему.

Ключевые слова: эго-документы, гимназический дневник, самоописательные практики, жанр записок, поэтическая рефлексия, Пермь начала XX в., мещанское городское сословие, городской досуг, провинция советских лет, индивидуальность.

Введение

Эго-документы находятся в фокусе современных исторических исследований. Проводятся международные форумы, выходят тематические сборники и специальные номера журналов, посвященные проблемам изучения самоописательных практик, сохранения и укомплектования личных архивных фондов. Издаются неизвестные памятники личного наследия, дневники, записки. Исследователей привлекают вербальные, устные, аудиовизуальные воспоминания, интервью, автобиографии. Через призму личных документов изучаются время и сам субъект, голос «я» в истории, психология автобиографических нарративов. Различны стили научного изучения и репрезентации личных дневников – от декодирования и составления путеводителей до

реконструкции эмоционального и интеллектуального мира авторов, бытового, частного микрокосма их жизни [Козлова, Сандомирская, 1996; Зорин, 2016; Пушкарева, 2018; Лебеденко, Суржикова, 2021; Паперно, 2022 и др.].

Записки Александры Лихачевой могли бы стать основой документального романа или произведения художественной литературы. Разрозненные записи, юношеский дневник, а также письма составляют отдельное дело, хранящееся в коллекции личных и семейных источников Пермского краеведческого музея. Дневник охватывает период с 1903 по 1907 г., когда Александра Лихачева была ученицей протогимназии, а затем Мариинской гимназии в Перми; стихотворные наброски Александра делала в разные годы после революции, в советское время. В фонде много визитных карточек и писем: письма мужа, друзей и знакомых юности и зрелых лет.

Согласно заключению Натальи Евгеньевны Соколовой, на тот момент главного хранителя Пермского краеведческого музея, материалы поступили в музей в начале 1970-х гг. Какие-либо данные о сдатчике отсутствуют. Известно, что в 1970 г. в музей пришел человек и принес большую подборку документов, собранных в домах по улице Окулова. Возможно, что среди этих документов были и материалы Александры Лихачевой (Зотиной).

Александра Яковлевна Лихачева родилась в Перми предположительно в 1889–1890 гг. Отец ее мещанин Яков Яковлевич Лихачев уже в 1886 г. владел собственным домом по улице Набережная, 12. Александра окончила Мариинскую гимназию, поступила на курсы в Казани, где проучилась около двух лет, затем вернулась в Пермь. В течение последующих лет она неоднократно выезжала в Петербург. В конце 1914 – начале 1915 г. она вышла замуж за Зотина Петра Алексеевича. У мужа было имение около Петербурга. В 1920-е гг. семья, вероятно, вернулась в Пермь. Детей у них не было. Из писем известно, что у А. Я. Зотиной были племянники Володя и Нина. Умерла А. Я. Зотина предположительно в 1968–1969 гг. Последние документы датированы февралем 1968 г. В Перми семья Зотиных проживала по улице Окулова (бывшая Набережная), 12, квартира 2, в доме, который ранее полностью принадлежал семье Лихачевых.

В настоящей статье ставится двоякая цель – расшифровка дневника гимназистки с сопутствующим тематическим структурированием материала и конструирование на основе стихотворных набросков загадки судьбы женщины, писавшей в гимназические годы юношеский, почти детский дневник.

Дневники гимназисток и гимназистов привлекают внимание историков и интересовали писателей как необычным внутренним миром авторов, так и формой подачи событийного и чувственного [Бердинских, 2015; Чарская, 2004]. Дневник и письма Александры Лихачевой становились предметом исследования. Была опубликована статья Ольги Старцевой о «романе в письмах» между Шурочкой Лихачевой и Яковом Субботиным [Старцева, 2003]. Валерия Яковлева написала статью об образе жизни провинциальных гимназистов в начале XX в., основываясь на дневнике пермской гимназистки [Яковлева, 2012]. В Центре городской культуры Перми лабораторией проекта «Прожито в Перми» совместно с Пермским краеведческим музеем проводились слушания дневника Александры Лихачевой (22 декабря 2021 г.). В том или ином контексте дневник гимназистки использовался как исторический источник [Устюгова, 2016; Кончаковская, 2019]. Вместе с тем записи более поздних лет Александры Зотиной-Лихачевой не становились объектом исследовательского интереса. Написанные на разрозненных листках бумаги – бумаги некачественной, плохо сохранившейся, оборванной, некоторые записи выполнены карандашом и стерлись, – записки Зотиной-Лихачевой при всей своей сложности работы с ними выдают опыт иной, нежели дневник. Записки – жанр неоформленный, особый род письма, тем более записи, написанные в художественной манере.

В работе решаются следующие задачи: на основании дневниковых записей гимназистки А. Лихачевой представить топографию культурного центра Перми начала XX в.; рассмотреть досуг средних слоев городских обывателей; проанализировать опыт написания дневника как жанра словесности своего времени; показать поэтические записи Александры Лихачевой как человеческий документ, свидетельство жизни и судьбы, неординарного внутреннего творческого мира женщины в условиях советской провинции.

Город в дневнике гимназистки

В гимназическом дневнике, описывая те или иные события своей жизни, Александра Лихачева упоминает приметы города, улицы, скверы, церкви. В основном девочка рассказывает, где была, с кем виделась, фоном возникают очертания Перми.

Пишет Шурочка Лихачева о своих подругах (это Вера, Зина, Анюта), друзьях и поклонниках (главной симпатией Шурочки был Яков Субботин, брат Веры). Городское сословие мешан было разным по своему материальному положению [Белослудцева, 2006]. Семья Лихачевых, как и их знакомые, принадлежали к не нуждающимся городским слоям.

Обыватели, о которых идет речь в дневнике, жили на квартирах или в частных домах. При частных домах были сады, огороды: «...вчера была у меня Анюта. Завтра переезжают на новую квартиру»; «Я пошла к Вере. Яков отворил. Веры дома не было. Я осталась. Мы сели на лавочке в ограде»; «Я[ков] сначала был в саду, потом пришел сел на стул»; «Сидели около сада. Потом он сидел у крыльца...»; «...из огорода пришлось уйти, комары немилосердно кусаются» (ПКМ-НВ-6351/3).

Улицы Перми в дневнике это Сибирская, Пермская, Петропавловская, Покровская, Монастырская, Торговая: «...встретила Яшу, он шел с Покровской. Я теперь не знаю после 5-ти уроков по какой ул[лице] идти по Пермской или по Покровской». В большую перемену гимназисты ходили на Сибирскую, Александра пишет, кого там встречали, кто кого провожал: «Ходили с Анютой в библиотеку, прогулялись по Сибирской»; «Видели Леню, но он не подходил. ... В понедельник шли с ним до гимназии от управы...» (ПКМ-НВ-6351/2–3). Гимназисты бывали в книжном магазине Ольги Петровской, фотографировались в фото-ателье («Снимались у Тарасова»), фигурируют в дневнике и визиты к частным врачам («Вчера ходила к Винклеру...»).

Гимназистка пишет о посещении церковных служб в Слудской церкви или в гимназии. Слудская церковь в ее рассказе упоминается чаще всего («Свадьба в Слудской», «Завтра я пойду в Слудку к обедне...»), называются также Богородицкая церковь и Собор. В церковь гимназистка ходила для того, чтобы встретиться со знакомыми, подружками, поклонниками: «...недавно я не пошла ко всеобщей, потому что надоело (Яша не приходит). Как назло, он в этот раз пришел...»; «Тогда оказывается ко всеобщей он не пошел, потому что его хотели побить Надькины поклонники»; «Ходили сегодня с Олей и Ниной в Слудку... Сначала в Слудку, а потом в Собор. Никого не видели» (Там же).

Всеобщая – повод для вечерних прогулок и свиданий: «За нами приходил Яша. Шли с ним под руку»; «В субботу я шла с Леной ко всеобщей, потом он меня провожал из класса. Вчера тоже с ним шли. Я еще упала в грязь» (ПКМ-НВ-6351/3).

Весенние праздники – Вербное воскресенье и Пасха – были связаны с церковными ритуалами. 10 апреля 1905 г.: «Вчера за всеобщей было очень весело. Все время дурили с Веркой. То она меня вербой свиснет, то я ее. Теперь даже в 8 час[ов] вечера совсем светло. ... Скоро Пасха. Я очень довольна. Я очень люблю ходить к заутрене. Особенно хорошо идти обратно. На душе светло, хорошо». 15 апреля: «За всеобщей у меня на душе было очень хорошо. Рядом стоял какой-то мальчик и я у него зажигала свечу» (Там же).

Летние прогулки совершались по набережной Камы, в театральном саду. Необычным местом для прогулок были насыпи железной дороги, расположенной вдоль камской набережной. «Крестная мне прислала чудесную шляпу. Во вторник уже гуляла по рельсам...». «Вчера вечером я, Ан[юта] и Вера ходили гулять по рельсам». «После всеобщей зашли ко мне, потом на Каму»; «Сегодня наверное тоже пойдем на берег... Хорошо, если сегодня пойдем гулять» (Там же).

Гимназистка описывает летние дни, как они до или после обедни шли на Каму, гуляли у Собора (где-то играли «на балалайке»). Иногда учащиеся ходили на бульвар, посещали питомник, совершали прогулки «до монастыря», любили «шляться по Сибирской». Упоминаются и другие городские места: «С Я[ковом] шли до рынка»; «...ходили на Данилиху. Время провели славно» (Там же).

Запись в дневнике Александры от 15 мая 1905 г. сообщает о пожаре. Также в записях этих дней фигурирует «довольно сильная забастовка». «8 1/3 час[ов] веч[ера]. Сейчас пожар, где-то недалеко. На каланче все время звонит звонарь. На улице [неразб.] темно. Жутко.

...воображаю, что там Яша и Миша. А ведь неподалеку горит, из окна видно дым. Небо красное от пламя. Опять звонит. Ах как жутко! ...Сейчас ветер еще больше раздувает. Скорей бы узнать, где горит». Запись от 16 мая: «Горело где-то далеко. ...На улице пасмурно, а за душой спокойно, ибо была сегодня на уроке музыки. 3-го дня в городе была довольно сильная забастовка» (Там же).

Летом начинались разъезды: поездки к родным в Чердынь, Казань, Рыбинск, Вятку, Саратов, на Кавказ и за границу. 12 мая 1905 г.: «Наши уезжают [неразб.] м[есяцев] на Кавказ». Александра пишет, как уехала на дачу в Курью. 6 июля: «Там катались на лодке, ходили гулять. На пароходе вчера играли какие-то странствующие музыканты. Очень хорошо. ...В воскресенье была у Веры. Потом мы ходили в театральный с Я[ковом]. Она ночевала. Сидели на крыше, любовались на лужи». 19 июня 1906 г.: «В субботу приехала из Рыбинска, а в среду думаю ехать с крестной в Казань. Вера и Зина вчера приехали из Саратова. ...В Рыбинске купила себе кепку, туфли и коты “ласточка” под этот вальс я танцевала...». Другие записи в дневнике: «1 дек[абря] и до 5 ездили с папой в Вятку»; «Завтра иду в театр и наконец числа 23 еду с папой [неразб.] за границу. Это новостью пожалуй можно назвать. ...Мне завидуют, что еду за границу, а сама я отношусь к этому как-то индифферентно» (Там же).

Осенью 1905 г. Яков Субботин с братом Михаилом уехали учиться в Петербург в Технологический институт, между Яковом и Александрой началась переписка. Но в осенние записи гимназистки вторгаются политические события. 14 октября: «Письма нет уже давно. Должно прийти 20. На телеграфе забастовка. Может быть это причина» (Там же).

Упоминание забастовки, посещение почты, театра фигурируют в дневнике Александры как внешнее окружение, декорация для описания встреч, флирта, чувств. 17 октября 1905 г.: «Вчера были в театре. Шура стоял с гимназистами на лестнице. Я, когда проходила мимо, смотрела на него и улыбалась, он тоже. В 1-й антр[акте] подошел. Мы гуляли с Верой тогда вверху. ...У них в гимн[азии] может быть в воск[ресенье] будет вечер. Шура меня пригласил. ...В пятницу хотел встретиться в Богородицкой церкви». 21 октября: «Забастовка. Не увидимся». 12 ноября: «Все еще не учимся и еще бы подольше не учиться». 11 декабря: «Политическая забастовка. Вчера (зачеркнуто) была сходка» (Там же).

В гимназическом дневнике вырисовывается облик Перми – с учебными заведениями, библиотекой, театром, центральными улицами, набережной Камы, церквями, садами. Кругозор гимназистки не замыкался пространственно на Перми. Средние городские слои в провинции совершали поездки в Казань, Саратов, Рыбинск, Вятку, отдыхали на Кавказе и за границей. Это горизонт обеспеченной пермской семьи. Хроника времени в дневнике значительно уже, ограничивалась местными событиями, среди которых самое значительное – это революция 1905 г. Дневник Александры Лихачевой как источник не просто воспроизводит описания губернского города, как, например, хроника В. Верхоланцева, но оттачивает их гранями включенного наблюдателя, непосредственного опыта своей жизни в атмосфере дореволюционной Перми.

Учеба, досуг, интересы

Об учебе гимназистка пишет значительно реже, чем о досуге. Охотнее она посещала частные уроки музыки, чем гимназию. В 1903 г. Александра, ученица V класса, за четверть имела такие оценки: Закон Божий – 5, словесность – 3, алгебра – 4, естественная история – 4, история – 4, рисование – 5, рукоделие – 5. О подругах она замечает: «Зинка исправилась, у нее по алгебре 3, по словесности тоже 3... У Верки все 3-ки, у Анюты по алгебре 3» (ПКМ-НВ-6351/2). Гимназические занятия Александра нередко прогуливала. В записях Александры за 1904 г. об учебных делах фигурирует фраза: «Все хорошо. Да вот только не мудрено, если и останусь на 2 год. А ну ту заботу к черту!» (ПКМ-НВ-6351/3).

Жизнь гимназистов, в том числе в Перми, попадала в поле зрения историков. Например, А. Бушмаков исследовал рукописный журнал пермских гимназистов «Наши думы», опубликованный за 1908 г. рассказ «Сережа», герой которого был беден и одинок, жил на квартире у тетки, зарабатывал на жизнь уроками [Бушмаков, 2006, с. 34–35; Егорова, 2008]. Гимназиче-

ский дневник Шурочки Лихачевой проникнут другими заботами автора, написан в ином тоне восприятия гимназической и окружающей действительности.

В дневнике Александры обсуждаются учебные заведения Перми: «Была 2 раза на лекции в реальном»; «Ходили в семинарию»; «...пригласили в реалку» (ПКМ-НВ-6351/2–3). Учеников она называет гимназисты или «гимназеры», реалисты или «реалы», «техники», «торговики», «барбатенко». Упоминает и студентов, приезжающих из Петербурга, Казани, о себе вскользь замечает: «...благо я буду курсисткой». Александра Лихачева описывает форменную одежду гимназисток и свою внешность как ученицы гимназии: «Я теперь ношу волосы завязанные ленточкой (начальница велела)»; «Говорят, что у нас весной будут форменные шляпы со значками» (ПКМ-НВ-6351/1–2).

О своих нарядах девочка пишет охотно, хотя и редко, описывает материал, фасон, цену. Записи 1903 г.: «Да чуть-чуть не забыла. У нас был крестный с тетей Маней и сказал мне, что послал из Екатеринбург и Казани горжетки. Сегодня пришли повозки, завтра папа пойдет получать. Мне сошьют коротенькую кофточку на меху. Я очень довольна. Да и еще бы!!!». Продолжая осенние записи 1903 г., Шурочка пишет: «Вчера мне папа привез с почты горжетку, очень хорошенюкая. Сегодня ходили с мамой покупать на кофточку. Купили 2 ½ аршина по 1 р. 65 к. ...еще на кофточку бумазеи по 45 к. за ар[шин]...». Гимназистка описывает другие покупки: шляпу «зимнюю котиковую за 4 р. 50 к. и перчатки за 1 р. 10 к.». Или: «Кофточка бумазейная вышла очень хорошенюкая. Рукава ужасно широкие. Шубку ходила мерить в пятницу 17-го». Александра упоминает покупку сукна на пелерину. В записях за 1904 г.: «Вчера получила от крестного платье. Очень хорошее, цвет бордо. Юбка только очень длинна». 9 июля 1905 г.: «Купила себе серые туфли. ...Думаю идти ко всенощной» (ПКМ-НВ-6351/2–3).

Шурочка Лихачева часто ходила в театр, с классом, подругами или друзьями. В записях 1903–1905 гг. гимназистка упоминает спектакли: «Купец Калашников», «Фауст», «Царская невеста», «Дядя Ваня», «Ради счастья», бенефис Выговского. 14 октября 1905 г.: «В воскр[есенье] думаем идти в театр на “3 сестры”. Погода стоит теплая. Только вчера выпал снег, да и то скоро растаял». (Там же). В театр ходили осенью, зимой, в конце весны приезжал цирк. 19 апреля 1905 г.: «Пошла к Лихачевым. Их дома не было, в цирке» (ПКМ-НВ-6351/3).

Значительное место в жизни горожан занимал домашний или индивидуальный досуг [Мальшиева, 2011]. Книги Александра брала у подружек или в библиотеке – смышляевской и др. Вечерами в семье гимназистки слушали граммофон. Записи 1903 г.: «Папа купил у Агафуровых 7 пьес для граммофона и теперь играет одну из них». 15 августа 1905 г.: «Папа играет на граммофоне, Гаврило слушает» (ПКМ-НВ-6351/2–3).

Летом учащиеся играли в крокет, другими играми были «почта», карты, вечерами музицировали. «Яков только одну партию сыграл в крокет». «Была у Веры. Играли в почту». «Вчера была у Нади на вечере, было почти скучно. Была у Веры. Яша сначала был у Егоровых. ...Играли в карты». «Вчера у меня были Анюта, Вера, Зина, Шура и Яша. Играли в крокет. Потом на рояли. Посидели до половины 9-го». Лучшими подружками Александры были Анюта и Вера. 13 июня 1905 г.: «Анюта уезжает совсем. Лишаюсь лучшего друга»; «Ах как больно. Я и представить не могу, как буду без Анюты жить» (ПКМ-НВ-6351/3).

Зимние развлечения – катания с гор, каток. «К Вере по-прежнему хожу часто, у них устроили катушку и скоро можно будет кататься». «Каталась с Шурой Алиным 2 раза». «Ходила с Зиной на каток познакомилась с очень многими. Счастлива!». «Вчера нас отпустили на масленицу. Была на катке. Скука страшная» (ПКМ-НВ-6351/2–3).

Рождество – это елки и балы в Благородном собрании и частных домах состоятельных горожан, таких как семейство Алиных, танцевальные вечера и спектакли в гимназии, прием и посещение гостей. В записях 1903 г.: «На балу я с ним танцевала вальс, кадрили, лезгинку, краковяк, венгерку после кадрили...». 10 октября 1904 г.: «...были у Алиных. Танцевали, было очень и очень весело». 27 декабря: «Вчера у Веры не была, а была с учительницей музыки в благородном собрании на елке. Было очень весело». 29 декабря: «Меня Шура К. еще познакомил на елке в благородном с [неразб.] гимназистом VI класса. Сегодня иду к Алиным, а завтра в театр». 25 февраля 1905 г.: «Была вчера в театре. Был Леня. Со мной сидел и гулял». 26 фев-

раля: «Была в театре с Воробьевым. Он меня провожал...». 30 декабря 1905 г.: «Ходила в загородку, было весело. ...Теперь думаю отправиться к Ал[иным] на елку (если будет) и на спектакль в гимназию». 3 февраля 1907 г.: «Была вчера в мужской гимназии на концерте. Яков скоро пришел. Все время ходила и танцевала с ним. С Шуркой Ковицким танцевала вальс» (ПКМ-НВ-6351/3).

Важными ритуалами для гимназистов были обмен фотографическими карточками, отправление и получение поздравительных открыток, писем, оформление альбомов с открытками, совместные прогулки на почту: «Была сегодня у Анюты, потом мы с ней ходили в библиотеку и на почту»; «...вчера отправила в Казань... карточку с меня»; «Вася опять послал свою карточку». Иногда обмен карточками заканчивался вызовом к наставнице: «Вася К. послал на гимназию открытку. Меня позвали к начальнице и конечно прочитали нотацию» (Там же).

По дневниковым записям Александры Лихачевой можно составить картину будней жизни гимназистки и досуга обеспеченных горожан в начале XX в. Некоторые мещанские семьи, к каковым относилась семья Лихачевых, были зажиточными. Центрами притяжения светской жизни провинциалов были театр, Благородное собрание, частные гостиные, гимназии с их танцевальными вечерами, спектаклями, городские зимние катки. Индивидуальный досуг заполняли слушания грамофонных записей, музицирование, чтение, переписка, путешествия. Досуг состоятельных обывателей в провинции был насыщенным, хотя юная барышня часто томилась скукой.

Дневник как жанр и вещь

Дневник Александры Лихачевой – это маленькие книжечки, сшитые нитками тетрадные листки. Эти тетрадочки свидетельствуют о своей «укромности», секретности. 13 мая 1903 г. Александра записывает: «Хочу завести себе книжку, в которую буду записывать каждый день». 21 ноября 1903 г. она планирует: «Когда эту тетрадочку допишу, сделаю настоящую». 18 июня 1905 г.: «...Для дневника нашла хорошее место...». В дневниковые книжки Александра иногда кладет что-то на память, что говорит о том, что не только сами записи представляли для нее ценность, но дневник как сокровенная вещь, вещь на память, с вложенными в него вербальными и материальными напоминаниями, ассоциациями. 9 августа 1905 г.: «Положу... в эту тетрадь... в память о сегодняшнем дне. Ах, как мне сейчас хорошо!» (ПКМ-НВ-6351/1–3).

Записи в дневнике краткие, и о краткости, лапидарности жанра дневника Александра высказывает суждение: «Я обо всем писать не буду, так как если прочитаю это, то вспомню и основное» (ПКМ-НВ-6351/1). Записи гимназистки нерегулярные. В дневнике она отмечает, когда есть о чем писать и когда не о чем, делает пометки о желании или нежелании писать. Гимназистка порой как бы разговаривает с самим дневником, раздумывает, писать ей или нет дальше. 9 октября 1906 г.: «Хочу писать не потому, что хочется, а потому, что пришло в голову вот что. Потом пожалуй буду жалеть, что ничего не писала, когда было о чем. Теперь жалко, что не записывала тот период, когда ходила в свободные уроки к Верке и читала иногда вслух, причем слушателем был Яшенька». Записка: «Хотя я уже очень много написала, но мне все еще хочется» (ПКМ-НВ-6351/3). Александра признается, что не может записать всего, что трудно писать о душевных состояниях, а можно лишь о кратких впечатлениях дня.

Гимназистка пишет об атмосфере, в которой ведется дневник: «Пишу я в столовой, горит не моя лампа, что много способствует моему настроению». Все чаще сам дневник становится предметом размышлений гимназистки. Александра задумывается, зачем она его ведет, замечает, что он заменяет ей письма, разговоры с близкой подругой или даже с книгой. 15 сентября 1905 г.: «Хотела я писать сейчас к Як[ову] и Ан[юту], но решила, что лучше написать себе. Думать легко, но не так легко это изложить на бумаге». 23 декабря 1905 г.: «Почему я хочу писать? Наверное оттого, что мне некому сказать, что мне сейчас хорошо. Вот если бы всегда находиться в таком настроении. Все проходит, когда об этом вспоминаешь в минуты грусти, станет легче, а при радости станет грустно. Это говорил Чехов (моя жизнь). Истинная правда. ...Хотела много писать, да не хочется. Буду дожидаться порыва “писания”...». Без даты: «Целых два часа пишу и как скоро пропало для меня это время. ...Были у меня эти порывы писать

и раньше. Тогда я писала Анюте или Вере письмо и почему то не думала, что это можно написать в дневнике, тогда бы он не был [наразб.] скучен и обычен...» (Там же).

Александра отдает себе отчет, что дневник для нее – это своего рода эрзац зеркала. 16 ноября 1905 г.: «Эврика! Вот почему пишу, а кто же удивляться будет такому необыкновенному человеку как Я. Сознаться надо хоть перед собой то порисоваться люблю» (Там же).

В дневнике проскальзывает критическое отношение к записям, имеются рассуждения о самом процессе писания. 13 октября 1906 г.: «Как хотелось написать все, что теперь чувствую, но вижу, что не могу. Были в театре, и вот там один человек на сцене сказал, что у него “мысли умные, а слова то выходят глупые”. Так и у меня» (Там же).

С дневником девочка делится чувствами. Основные чувства – скучно или весело: «Этот день у меня прошел очень скучно»; «Фу ты как мне весело!!! Убирайся к черту грусть». Ведение дневника – разговор с собой, самоутешение, психотерапия: «Все на свете скоропреходяще! Скверная истина»; «Эх как скверно! Тоска страшная гнетущая. ...С-К-У-К-А» (ПКМ-НВ-6351/1–3).

Со временем при описании чувств в дневнике появляется больше оттенков: спокойствие, надежда, радость, сожаления, заботы. Дневник содержит и более глубокие наблюдения окружающего, ожидания праздников, описания природы. 3 марта 1905 г.: «С великим постом и грязью (тоже великой) поздравляю вас Александра Яковлевна!!!». 9 августа: «Хорошо у меня сейчас на душе. Сегодня был дождь (давно его уже не было) и благодаря этому воздух чудесный чудесный. Окно отворила...». 29 августа: «Была сейчас в саду. Как хорошо! Особенно мне понравился тополь освещенный солнцем. Когда-нибудь зимой, читая эти строки, мне будет жаль прошедшего лета» (ПКМ-НВ-6351/3).

На страницах дневника Александра размышляет о взаимоотношениях с другими людьми, искренна ли она, есть ли равенство. Александра пишет о своих желаниях, мечтах, размышляет о себе, своей жизни. 1 декабря 1903 г.: «Мне хочется куда-нибудь уехать дальше от Перми и потом приехать сюда же не такой как теперь». 11 сентября 1905 г.: «Жизнь тихая, однообразная». 16 ноября 1905 г.: «Старая песенка, а я об ней не писала. Очень уж иногда давит на меня среда, в которой по милости Аллаха я родилась. ...Сегодня я не выдержала и (о ужас) заревела. Мои богоданные родители – ходячая пошлая глупость, ежели можно так выразиться. ...Скверно, что я очень вспыльчива, но отходчива. Когда я читаю что-нибудь, то почти всегда нахожу общие черты характера с отрицательным типом. Читала я вчера Белинского...». 30 декабря: «Я сейчас почти все время молчу и играю роль угнетенной невинности». Без даты: «...из моих знакомых никаких развитых, как я, нет» (ПКМ-НВ-6351/2–3).

Образы мещан рисует русская классика, «жестокое романсы» в популярной культуре воспроизводят отношения в семейной сфере купеческого и мещанского сословий [Кобозева, 2018]. Между тем среда коммуникации городских сословий и трансформировалась под влиянием распространения в провинции клубов, музыкальных салонов, дачного отдыха, возможностей совершения дальних поездок. Молодые люди из этих сословий формировались в реалиях начала XX в., под воздействием процессов урбанизации, перемен в области образования, эмансипации женщин, развития книжной, театральной, журнальной культуры.

Любой личный дневник имеет презумпцию приватности, вбирает в себя скрытые от посторонних глаз рефлексии, пишется, чтобы пережить события и эмоции. Манеры написания зависят от времени, моды в среде людей разных профессий и возрастов. В силу социального статуса гимназистка Александра Лихачева имела свободное время и могла себе позволить «работать» с собственными переживаниями, делать дневниковые записи. Привычка к писанию дневников и писем в то время формировалась благодаря культуре чтения. Александра Лихачева не просто барышня-провинциалка, она много читала, ездила, имела определенный уже в ее возрасте интеллектуальный багаж. Круг ее чтения составляла художественная литература. Ее дневник демонстрирует навык управления «душевым хозяйством», от прочитанных книг – стремление к самоанализу, способность к абстрактному мышлению.

Будни и поэзия частного

Юной девочкой Александра вела дневник, взрослой женщиной делала отдельные записи в течение многих лет.

Образ мыслей девочки сложился во многом под влиянием чтения книг, посещения театральных постановок. Она не передает впечатления от прочитанных книг или спектаклей, но цитирует некоторых авторов, героев пьес или литературных произведений, со временем все больше сравнивает себя с ними, конструирует свои чувства в духе прочитанного. Читала Александра много и всю жизнь писала стихи.

В гимназическом дневнике переплетаются вспышки откровенностей с их стихотворным представлением и размышлениями о природе своих чувств. 23 декабря 1904 г.: «Меня понять никто не может, / Да и сама я не пойму. / Зачем тоска мне сердце гложет, / За что клянусь свою судьбу. / Я все стремлюсь куда-то дальше, / Куда-то хочется уйти... / Ах нет того, что я желаю...». 8 января 1905 г.: «Симпатия Яшенька. О-хо-хо... 1-го января исполнилось 2 года как Яша моя симпатия». 10 января: «Ну его к черту. Недавно сочинила стих “Зачем надежда в сердце вкралась, / Зачем воскресли вновь мечты. / Боюсь, чтоб снова не осталась, / Я с сердцем полным пустоты”» (ПКМ-НВ-6351/3).

Александра не склонна была не думать о других кавалерах: о Коле Суслине, Александре Ковиацком... В записных книжках Шуручки есть списки гимназистов, реалистов, возможно, поклонников, гадания: на дружбу, ссору, любовь и пр. Выписаны значения лент, камней, бантиков, разговора глазами, значение поцелуя, языка цветов для туалета молодых девушек, значение цифр. Есть гадание, за кого выйдешь замуж: за фельдшера, чиновника, работника, гимназиста, трубочиста, лакея, офицера, сапожника, генерала, повара, реалиста, техника, солдата, студента, доктора, священника, точильщика, губернатора, псаломщика, приказчика, купца, крестьянина, матроса, дворника, хориста. Есть также гадания, какого вы характера, что вас более всего украшает; значения перчаток, листьев, платка; игры в судьбу и пр.

После отъезда Якова Субботина в Петербург дневник Александры наполняется ожиданиями писем. 14 октября 1905 г.: «Неужели 2 м[есяца] прошло, как нет письма». 16 ноября: «Каждый божий день жду. Скорей бы уже приехал! Как то мы встретимся, после “того” письма он мне ни строчки не написал» (Там же). Яков приезжал на каникулы в Пермь, вновь следовали ссоры и примирения, Яков предложил увезти Шуручку в Петербург.

Записи 1907 г. пронизаны в дневнике Шуручки размышлениями о будущем, о своей судьбе. 3 февраля 1907 г.: «Меня сейчас мучит вопрос о том, что я буду делать после окончания гимназии». 26 марта: «Как дамоклов меч висит мысль о будущем» (Там же). В дневнике появляются более серьезные мысли, нежели вздохи по поклонникам и томления провинциальной скукой, – о своем предназначении, стремлениях, морали. Без даты: «На будущий год буду учиться в VII классе. Я в умственном развитии вперед ничуть не подвинулась. Впрочем буду такой какая есть. Еще ведь девочка 15 лет»; «О лучше не заглядывать. Наверное благодаря тому, что начиталась книг я стремлюсь к роскоши...»; «Вся жизнь соткана из неприятностей. ...Стало быть, по моему, счастья очень мало. И это я говорю сейчас, я, которую еще жизнь не изломала, а только разве помяла, а потом что дальше ужас один» (Там же).

В личном архиве Александры Лихачевой, кроме списков поклонников и различных детских гаданий, много стихов, собственных и известных поэтов: М. Прево, Ф. Тютчева, А. Белого, З. Гиппиус, Д. Мережковского, цитаты из М. Горького. Однажды Яков назвал Шуручку декаденткой. Сама она о себе писала от 5 октября 1906 г.: «Страстно тогда увлекалась новыми писателями и прямо проглатывала» (Там же).

Шуручка Лихачева цитирует: «Любящая женщина прощает легче большие нескромности – нежели маленькие неверности» (Ларошфуко); «Ветреность – это собственное имя женщины» (Шекспир) (ПКМ-НВ-6351/4).

В ее записках все больше стихов: «Она была загадочной натурой. / А, может быть, была и просто дурой»; «В Казани на камне Державин сидел, / И на крышу почтовой конторы глядел»; «Ночи холодные / Русской земли. / Волки голодные, / Воют вдали... Ночь бесконечная. / Грустно, темно. / Что ты, сердечная, смотришь в окно?...» (Там же).

В 1915 г. Александра Лихачева вышла замуж и сменила фамилию. Почтовые карточки 1914 г. приходили еще на имя Александры Яковлевны Лихачевой, датированные 1915 г.: «Александр Яковлевне Зотиной. Пермь, Набережная, 12». Впоследствии письма, адресованные Александре, имели адрес: Молотов областной. Улица Окулова, 12.

Александра стала излагать события своей жизни стихами. Она по-прежнему влюбчива: «Влюбилась сразу – нужды нет, / Что было ей за тридцать лет»; «А Я любила всей душой. / ...Искала в книгах описаний / Борьбы душевной и страданий, / Ценила прелести романа Prevost, Younget и Monpassana [неразб.], / Но Чехов был ей всех милей, / Тоска его была родней...» (ПКМ-НВ-6351/230).

О героях своих романов Александра писала в стихотворной форме и довольно иронично, сочиняла почти целые поэмы, в которых укрывались события ее века: «И... женился в пьяном виде / На жене красноармейца» (ПКМ-НВ-6351/241); «...слишком рано начал пить»; «...Но вдруг солдатчина, война / (Созвучьями так жизнь полна), / Архангельск, Англия, тюрьма, / И приключений всяких тьма...» (ПКМ-НВ-6351/230).

Об оттенках своих чувств Александра в разные годы пишет: «Сердце мое пусто... / Ни любви, Ни веры, Ни надежды теплой в нем не остается, / Только апатия свыше всякой меры, / Скука да уныние. / День за днем несется, / Год за годом мрачной чередой» (ПКМ-НВ-6351/238); «Моя любовь давно минувших лет / Твой милый голос в сердце не умолк...» (ПКМ-НВ-6351/284); «Скромный наш шиповник – северная роза...» (ПКМ-НВ-6351/272).

В архиве Александры Лихачевой (Зотиной) есть выписки из литературных произведений, некоторые свои стихи и наброски поэм она начинает фразами из Пушкина («Прибежали в избу дети»), Тютчева («Не рассуждай, не хлопочи... Молчи, скрывайся и тай...»), Владимира Соловьева («Горизонты вертикальные, В шоколадных небесах»), на мотив оперы-буфф «Павел Иванов». Из советских писателей цитирует Н. Кольцова, пародирует В. Каверина («Где Каверин процветает / В Новом мире допускают...») (ПКМ-НВ-6351/260).

Согласно описям фонда стихотворные записки датированы с 1920-х по 1960-е гг., хотя, судя по содержанию отдельных фраз, датировки неточны. О том, кем Александра Зотина была по профессии, записки и письма судить не позволяют.

Одиночество, скука, воспоминания – темы ее стихотворных набросков, написанных в духе декадентских писателей юности. Эпиграф из Д. Мережковского: «Так жизнь ничтожеством страшна, / И даже не борьбой не мукой, / А только бесконечной скукой», – и рядом собственные строки: «И сердце – серенький свет, / И жизни праздника нет, / Серо-будничны темы мои... / Часто дождик и тьма, / На полгода зима... / И унынье везде, / Чуть не кочки одне... / Всюду серенький люд, / Грязь на улицах, скука в душе...». В другом настроении Александра пишет: «Липа цветет у меня под окном, / В комнату входит своим ароматом...». И вновь о бессоннице: «Ночи бессонные – вас не сочтешь, / Серость бездонная все же живешь. / Много-ль, проклятые, вас впереди, / Сердце, как сжатое, бьется в груди...» (ПКМ-НВ-6351/274). «Стою. Морозно. Снег блестит. Луна. Любовью до краев душа моя полна...» (ПКМ-НВ-6351/224). Цитата из Зинаиды Гиппиус: «Люблю недостижимое, / Чего, быть может, нет», – далее свои стихи: «Сидя дома я часто мечтаю: / Что весна, сад и яблони цвет, / Вместе с Вами по саду гуляю, / Седины в волосах моих нет. / Над собою, порой, усмехаюсь – / Помню я сколько мне уже лет, / За иллюзию счастья цепляюсь, / Знаю я – самого его нет. / Подхожу я к окну вечерами, / Вижу Каму, снега, лунный свет, / И опять я полна только Вами, / А со мной, как всегда, Вас и нет» (Там же).

Свою юношескую любовь Александра вспоминает и годы спустя: «Я помню, весна была теплой, удачной, / Когда 18 мне стукнуло лет. В тот год мы в Курью очень рано на дачу / Приехали с теткой, вставляли чуть свет... Приехать должны были скоро студенты, / Я так Вас ждала, нету слов передать, / И так я томилась, что были моменты – / Хотелось куда-то навстречу бежать. / Приехали Вы, к нам явились с визитом, / Не прежний – чужой. Был пустой разговор, / Без проблеска чувства, шаблонно-избитый, / Как вспомню – мне тягостно до сих вот пор. / В тот день было все для меня неказистым, – / Не радовал Камы широкий простор, / Ни солнечный свет, воздух леса смолистый, / Ни тень от деревьев – тончайший узор» (ПКМ-НВ-6351/248). Обращает на себя внимание дата стихотворения – 27 мая 1945 г. Напрашиваются

сравнения: «Поэму без героя» об арлекинаде Серебряного века Анна Ахматова писала в годы войны в Ташкенте.

Трагические события не находят отражения в стихах Александры Лихачевой, лишь угадываются отдельные приметы времени в пелене описания чувств: «В городе. Ночью в Пермских закоулках, / Перекрестках, переулках / Электричество горит!! / Что за роскошь! Что за вид!» (ПКМ-НВ-6351/229); «Ни зима у нас, ни осень, / Холод градусов на восемь, / И ползет по Каме “Сало”, / Пароходов уж не стало, / Снега ж все не выпадает, / Пыль по городу летает» (23 ноября 1949 г.) (ПКМ-НВ-6351/260).

Таков рассыпанный бисер ее стихов разных лет: «Я в сумерках сижу, закрыв глаза рукой / И милое лицо припоминаю смутно... / А в жизни серенькой и пошленькой порой / Я с книгами веду свой разговор беззвучный. / Давно уже давно я с ними неразлучна...»; «Да, я люблю свою любовь, / Она мне красит серость будней...» (ПКМ-НВ-6351/228). «Соблюдать нам в жизни надо / Спутников покой, / Но какая лгать отрада / Пред самой собой, / У других все шитокрыто, / Этика своя. / Ну, а я скажу открыто, / Эгоистка я» (ПКМ-НВ-6351/265). И одно из последних: «Жить не так осталось много, / Что тут говорить, / Я стою уж у порога, / Скоро уходить...» (ПКМ-НВ-6351/277).

Записи взрослой женщины показывают, что из юной гимназистки, которая писала в дневнике о поклонниках и симпатиях, вырос человек с очень сложной индивидуальностью. Если гимназические записи говорят о романах и влюбленностях, об интересующем девочку окружающем пространстве, они наполнены открытостью к миру, желанием к его освоению, насыщенной жизни, то стихотворные записи поздних лет ничего не говорят о судьбе женщины, лишь намекают на душевные переживания, созерцательный образ мыслей, они свидетельствуют о погруженности во внутренний мир, книги, наблюдения над окружающей природой.

Расцвет русской литературы XIX в., культуры чувств, психологического романа, поэзия Серебряного века повлияли на то, что женская любовь стала изъясняться по-русски. Самоописательные практики приобрели различную атрибуцию. Александра Лихачева происходила из обеспеченной мещанской семьи, увлекалась современной литературой, сохранив это увлечение и в зрелые советские годы. Опыт осмысления своей жизни на бумаге она также сберегла, но отошла от дневникового модуса письма. Ее разрозненные стихотворные наброски – поэтизированное восприятие жизни и чувств.

Жизнь послереволюционной провинции, трагическая, полная тягот и вызовов, возможно, и не обошла ее стороной, но никак не отразилась в записках. Записки Александры Лихачевой-Зотиной поздних лет повествуют о человеке, ушедшем на фоне трагизма и ломки всего происходящего в свой микромир, в сугубо частную жизнь, переживания и воспоминания. Бессобытийность, безбытность проживали многие, немногие в советские годы сохранили способность к писательству, инакомыслию, инобытию.

Список источников

ПКМ-НВ-6351/1. Дневник Лихачевой Александры – ученицы 4 класса основного отделения Пермской женской Прогимназии. 13 февраля – 5 октября 1903 г. // Пермский краеведческий музей. Отдел фондов, сектор документальных источников. Коллекция личных и семейных источников. Д. 2292. Фонд Александры Яковлевны Лихачевой (Зотиной). № ПКМ-НВ-6351. Пунктуация современная, сокращения обозначены троеточиями.

ПКМ-НВ-6351/2. Дневник Лихачевой Александры – ученицы 5 класса основного отделения Пермской женской Прогимназии. 5 октября – 1 декабря 1903 г. // Там же.

ПКМ-НВ-6351/3. Дневник Лихачевой Александры – ученицы 6 класса Мариинской женской гимназии. 17 августа 1904 – 23 октября 1907 г. // Там же.

ПКМ-НВ-6351/4. Книжка записная. Лихачевой Александры, г. Пермь. 1904–1905 гг. // Там же.

ПКМ-НВ-6351/224. Рукопись. «Люблю недостижимое, чего быть может нет», “Friolet”, «В моей комнате», «И на очи, давно уж сухие, набежала, как искра, слеза», «Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана». Зотина А.Я. 17 декабря 1923 г. // Там же.

ПКМ-НВ-6351/227. Рукопись. Рукописи стихотворений «Гигант на глиняных ножках». Зотина А.Я. 6 января 1925 г. // Там же.

- ПКМ-НВ-6351/228. Рукопись. Рукописи стихотворений «Со скуки начал увлекаться», «Да, я люблю свою любовь». Зотина А.Я. 1920-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/229. Рукопись. «На Набережной № 12». Рукописи стихотворения Зотиной А.Я. 1920-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/230. Рукопись. Рукописи стихотворений «Инус и АЯ». Зотина А.Я. 1920-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/232. Рукопись. Рукописи стихотворений «К чему приводит алкоголь, смешанный с *façon de parler*». Зотина А.Я. 1920-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/238. Рукопись. Рукописи стихотворений «Мы создаем себе оковы...», «Есть вирши...», «Горизонты вертикальные...» Зотина А.Я. 1920–1930-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/241. Рукопись. Рукописи стихотворений «Не сотвори себе кумира», «В тридцать лет...» Зотина А.Я. 1920–1930-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/248. Рукопись. Рукописи стихотворения «То было раннею весной...» Зотина А.Я. 27 мая 1945 г. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/260. Рукопись. Рукописи стихотворения «Я послушалась совета...» Зотина А.Я. 23 ноября 1949 г. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/265. Рукопись. Рукописи стихотворения «Радуйтесь и веселитесь...» Зотина А.Я. 1940–1950-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/272. Рукопись. Рукописи стихотворения Зотиной А.Я. «Где найти слова...» Зотина А.Я. 1940–1950-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/274. Рукопись. Рукописи стихотворений «В сердце серенький свет...», «Бессонница», «Заря вечерняя». Зотина А.Я. 1940–1950-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/277. Рукопись. Рукописи стихотворения «Радуйтесь и веселитесь...». Зотина А.Я. 1940–1950-е гг. // Там же.
- ПКМ-НВ-6351/284. Рукопись. Рукописи стихотворения «К 20 февраля». Зотина А.Я. 1957 г. // Там же.

Библиографический список

- Белослудцева В.В.* Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 181 с.
- Бердинских В.* Тайны русской души. Дневник гимназистки. М.: ЛомоносовЪ, 2015. 448 с.
- Бушмаков А.В.* Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 215 с.
- Егорова М.В.* Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 215 с.
- Зорин А.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
- Кобозева З.М.* «Жестокие романсы»: эмоциональные практики в мещанской повседневности русских городов // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 4. С. 20–25.
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис: Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.
- Кончаковская Н.Б.* Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX – начале XX века (в контексте повседневности) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. № 58. С. 32–40.
- Лебедева Е.Ю., Суржикова Н.В.* «Нет, хорошо жить на свете все-таки!..»: счастье, любовь и время в дневнике советской провинциалки середины XX в. // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 180–189.
- Мальшиева С.Ю.* Праздничный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX – начала XX века. М.: Academia, 2011. 192 с.
- Паперно И.* «Это даже не блокада и не осада. Это простой, обыденный советский день»: послевоенные записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 6–28.
- Пушкарёва Н.Л.* Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад-Восток. 2018. № 11. С. 161–180.
- Старцева О.В.* Чужие письма // Пермский пресс-центр. 2003. Лето. С. 64–67.

Устюгова В.В. Горожанка в стиле модерн: интересы и развлечения русской провинции начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 70–78.

Чарская Л. Сибирочка. Записки маленькой гимназистки: повести. М.: Детская литература, 2004. 332 с.

Яковлева В.В. Жизнь провинциальной гимназистки. По мотивам личного дневника Александры Лихачевой // Ретроспектива. 2012. № 1. С. 61–66.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.01.2024

**“I SEE KAMA, SNOWS, MOONLIGHT...”:
ALEXANDRA LIKHACHEVA'S NOTES AS AN EXPERIENCE
OF PERSONAL REFLECTION AND POETICIZED OBSERVATION
OF PROVINCIAL LIFE**

V. V. Ustyugova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia

vera_ust@list.ru

ResearcherID: AAC-3446-2020

Scopus Author: ID: 57190883977

SPIN: 8590-9899

The article studies the gymnasium diary and notes of Alexandra Likhacheva (Zotina), preserved within the collection of personal and family sources of the Perm Region Museum. Alexandra attended the Protogymnasium and later the Mariinsky Gymnasium in Perm, maintaining diary entries from 1903 to 1907 during her time as a gymnasium student. Additionally, the collection contains letters and scattered sheets of notes from later years, predominantly composed in verse. The diary and letters of Alexandra Likhacheva make it possible to reconstruct the chronicle of the private life of the young gymnasium student, showcasing her experiences such as attending all-night services, dances, games, and the exchange of photographic cards. These documents open the pages of everyday life and leisure activities of the well-to-do strata of Perm's population in the early 20th century, who went to the theater, allowed themselves to attend balls at the Noble Assembly and private lounges, embarked on trips to the Caucasus and abroad, and enjoyed dacha holidays in Kurya. The diary of Alexandra Likhacheva shows the way of keeping diary entries, and the language used. The entries in the gymnasium diary are fragmentary, but behind the statement of a boring or cheerful pastime, there are hidden experiences, conversations about feelings, and the desire to understand oneself. The author highlights how the culture of reading and private correspondence shaped the manner of looking into oneself, verbal expression, putting experiences and feelings on paper, and comparing oneself with artistic images. After the revolution, Alexandra continued to reside in Perm, in a house on the embankment of the Kama River. She retained the habit of talking to herself and making separate poetic notes. Despite the fact that we do not know the future fate of Alexandra Likhacheva (Zotina), who she was by profession, however, the deciphering and analysis of her records reveal the personality of a provincial girl of the Soviet years who took refuge in her inner world, but retained a critical and creative eye, piercing observation of the surrounding.

Key words: ego-documents, gymnasium diary, self-descriptive practices, genre of notes, poetic reflection, Perm of the early 20th century, urban leisure, Soviet provincial, individuality.

References

Belosludtseva, V.V. (2006), *Meshhanskoe soslovie Permskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The petty bourgeois class of the Perm province in the second half of the 19th – early 20th centuries], Perm State University, Perm, Russia, 181 p.

Berdinskih, V. (2015), *Tayny russkoy dushi. Dnevnik gimnazistki* [Secrets of the Russian soul. Diary of a high school student], Lomonosov, Moscow, Russia, 448 p.

Bushmakov, A.V. (2006), *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyской provintsii v kontse XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Changes in the mentality of the urban population of the Russian province in the late 19th – early 20th centuries], Perm State Technical University, Perm, Russia, 215 p.

Charskaya, L. (2004), *Sibirochka. Zapiski malen'koy gimnazistki: Povesti* [Siberian girl. Notes of a little schoolgirl: stories], Detskaya literatura, Moscow, Russia, 332 p.

Egorova, M.V. (2008), *Povsednevnyaya zhizn' uchashhihsya i uchiteley Urala v XIX – nachale XX v.* [Everyday life of students and teachers in the Urals in the 19th – early 20th centuries], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia, 215 p.

- Kobozeva, Z.M. (2018), “«Cruel romances»: emotional practices in the bourgeois everyday life of Russian cities”, *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, vol. 24, № 4, pp. 20–25.
- Konchakovskaya, N.B. (2019), “Girlhood of city women of Perm and Yekaterinburg in the late 19th – early 20th centuries (in the context of everyday life)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, № 58, pp. 32–40.
- Kozlova, N.N. & I.I. Sandomirskaya (1996), «*Ya tak hochu nazvat' kino*». «*Naivnoe pis'mo*»: opyt lingvo-sociologicheskogo chteniya [“That’s what I want to call the movie”. “Naive writing”: the experience of linguistic-sociological reading], Gnozis; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Moscow, Russia, 256 p.
- Lebedenko, E.Yu. & N.V. Surzhikova (2021), “«No, it’s good to live in the world after all!..»: happiness, love and time in the diary of a Soviet provincial girl in the middle of the 20th century”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, № 3 (72), pp. 180–189.
- Malysheva, S.Yu. (2011), *Prazdnyy den', dosuzhiy vecher. Kul'tura dosuga rossiyskogo provintsial'nogo goroda vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [A lazy day, a leisurely evening. Leisure culture of a Russian provincial city in the second half of the 19th – early 20th centuries], Academia, Moscow, Russia, 192 p.
- Paperno, I. (2022), “«This is not even a blockade or a siege. This is a simple, everyday Soviet day»: Olga Freidenberg’s post-war notes as a mythopolitical theory”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 6 (178), pp. 6–28.
- Pushkareva, N.L. (2018), “Public invasion of privacy (heuristic value of oral and written ego-documents for gender history)”, *Zapad-Vostok*, № 11, pp. 161–180.
- Startseva, O.V. (2003), “Other people's letters”, *Permskiy press-centr*, Summer, pp. 64–67.
- Ustyugova V.V. (2016), “Urban woman in Art Nouveau style: interests and entertainments of the Russian province of the early 20th century”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, № 3 (52), pp. 70–78.
- Yakovleva, V.V. (2012), “The life of a provincial high school student. Based on the personal diary of Alexandra Likhacheva”, *Retrospektiva*, № 1, pp. 61–66.
- Zorin, A. (2016) *Poyavlenie geroya. Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX vv.* [The emergence of a hero. From the history of Russian emotional culture of the late 18th – early 19th centuries], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 568 p.